

ПРАЗДНИК В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ МИРОВИДЕНИИ ИСПАНИИ

Е.В. Астахова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

*Lo que más me importa, es vivir.
Federico García Lorca
Самое главное для меня – это жить.
Федерико Гарсия Лорка
La vida es una fiesta y cada día una invitación.
Proverbio popular
Жизнь – это праздник, а каждый день – приглашение к нему.
Испанская народная пословица*

В статье рассматривается образ Испании сквозь призму концепта праздник, который является одной из главных составляющих национально-культурного мировидения данного этнолингвистического сообщества. В условиях современного глобалистского мира с его универсализацией ценностей испанцы сохраняют свою идентичность и традиции, а праздник, как мегаконцепт в совокупности множества сущностей, признаков и явлений, пронизывает когнитивное пространство и определяет национальную картину мира. В рамках темы автор даёт определение таким экстралингвистическим понятиям, как коррида, дуэнде, тертулия, мо-вида, ботельон, рассуждает об исторической роли театра, о значении «культуры кофе», трапезы и общения, месте и роли религиозных и народных праздников в жизни испанцев. Познание особенностей концепта «праздник» в различных аспектах общественной жизни Испании позволяет лучше понять словообразовательный потенциал испанского языка, его метафоры, стилистическую образность. «Праздник», как ключевое слово испанской лингвокультуры, наполнен языковыми и фоновыми смыслами, которые нужно рассматривать в различных измерениях – речевом, невербальном, визуальном, текстуальном, что в конечном итоге способствует успешной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: Испания, праздник, мегаконцепт, культура, язык, характер, мировидение, коммуникация, метафора, образ, картина мира.

Образ Испании немислим без ощущения праздника. Слово «фiesta» выступает как первая ассоциация восприятия Испании за рубежом, а многочисленные туристы едут в эту страну за впечатлениями отдохновения и романтики. Как известно под стереотипными мы понимаем массовые, общепринятые представления о каком-либо явлении, которые часто далеки от реальности и способны ввести в заблуждение. Но в случае с Испанией это не так. Праздник в Испании – это знак, символ страны вчера и сегодня, ее история, география и скрытая суть архетипа. Праздник насыщен многими смыслами и значениями, он говорит о прошлом, перегружен настоящим, свидетельствует о будущем.

Содержание концепта как единицы языковой картины мира всегда национально специфично, то есть отражает особенности культуры и мировидения конкретной лингвоэтнической общности. Однако существуют концепты, имеющие особую ценностную значимость в когнитивном пространстве и в культуре той или иной страны, поскольку определяют целый комплекс ценностей и установок данного сообщества. Современные исследователи называют такие концепты «ключевыми словами культуры» (А. Вежбицкая), «константами» (Ю.С. Степанов), «логоэпистемами» (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров), «лингвокультуремами» (В.В. Воробьев), «лингвокультурными концептами» (З.Д. Попова, И.А. Стернин). Одной из таких категорий, ключевым словом испанской лингвокультуры, является праздник, который выступает как мегаконцепт, охватывающий многие сферы жизни.

В Испании нельзя жить вне многослойной концептосферы праздника, который захватывает, поглощает, заставляет меняться, расти, стариться, умирать. «Праздники в Испании, по сути, никогда не прекращаются. Причём это далеко не только национальные гуляния по поводу какой-то религиозной или национальной даты, или календарного народного праздника. Сюда входят памятные даты семьи, дни рождения, крестины, дни свадеб, помолвок. К этим дням принято долго и сложно готовиться всей семьёй. Вокруг праздников складывается здесь вся жизнь», – читаем в современном путеводителе [18, с. 47].

Праздник – важнейшее условие обеспечения жизнеспособности Испании, свойство национального менталитета, привязанное к экстравертному характеру и культуре позитивного поведения.

В научной литературе сложилась довольно пёстрая картина подхода к понятию «праздник». В.И. Даль вывел понятие «праздник» из понятия «праздность», праздный – порожний, свободный (если речь идёт о месте) и «праздное время» – период, когда можно быть праздным (если речь идёт о времени). Это – «время без работы», выходной, нерабочий день, день отдыха, день торжества по какому-либо поводу, храмовый, рели-

гиозный праздник. Развёрнутая характеристика дана в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, в Толковых словарях русского языка Ожегова, Ушакова и др. Итак, слово «праздник» означает определённый период времени (час, день или дни), когда не занимаются делами. Это – свободное время, когда отмечают определённое событие, которое необходимо выделить из потока других событий, – торжественную дату, национальный праздник, день или дни в честь какого-либо святого. Праздник – это веселье, торжество, устраиваемое по какому-либо поводу: семейный праздник, день рождения, свадьба, крестины и т.д. Торжество проявляется в праздничном обряде или ритуале, то есть в определённом символическом действии, которое художественно оформлено, а к тому же всегда связано с чем-то необычайно радостным. Кроме того, праздник – это состояние души, положительные эмоции, испытываемое от чего-либо наслаждение, а также сам источник наслаждения. Праздник нуждается в особой психологической настроенности, в стремлении к нему, причём эта настроенность осуществляет в структуре сознания некие превращения, невозможные в обыденные, занятые трудом дни.

Потребность в празднике есть у каждого народа, поскольку отвечает необходимости в психологической паузе, в сбросе и накоплении энергии, в расцветивании мира в разные цвета. Вспомним известное латинское изречение – *panem et circenses* (хлеба и зрелищ). Праздник выступает как лечение от рутины, серых будней, монотонной работы, увеличивает сопротивление испытаниям. Известно, что праздник присутствует в жизни даже во времена трагических событий, войн, голода, болезней. Больше того – чем труднее жизнь, тем ярче праздник.

Концепт праздника как явления культурной жизни многослоен. Он имеет: а) актуальные признаки – конкретные календарные даты или события; б) пассивные, дополнительные компоненты, являющиеся уже неактуальными, «историческими», ностальгическими; в) внутренние формы, обычно не осознаваемые в повседневной жизни, запечатлённые во внешней, словесной форме, в обычаях, обрядах, легендах, пословицах, сказаниях.

С концептом праздника связано богатство ассоциаций как коллективных, так и индивидуальных, и чем больше круг людей, использующих данный концепт во всех его «слоях», тем больше признаков, ассоциаций. К празднику привязаны такие признаки, как радость, счастье, любовь, отдых, лень, время для перемен, настроение, удача, везение, забава, свобода, шутка, смех, беззаботность и др.

Испанское слово «*фiesta*» происходит от латинского *festā* – собрание для выражения радости. Интересно привести на испанском языке синонимический единицы термина *праздник*, смыслы которых позволяют лучше понять его значение и реальность: *descanso, festejo, festín,*

festividad, celebración, convite, velada, vacación, juerga, verbena, espectáculo, entretenimiento, distracción, efemérides (отдых, торжество, празднество, веселье, празднование, званый обед, вечеринка, вербена – торжества и веселья накануне праздников, отпуск, каникулы, отгул, зрелище, спектакль, развлечение, забава, весёлое времяпрепровождение, знаменательная дата, а также regocijo (восторг), júbilo (веселье, ликование), diversión (развлечение, увеселение), recreación (отдых, наслаждение), placer (удовольствие), alegría (радость), gozo (удовольствие, наслаждение), buen humor (хорошее настроение). К «эксцессам» праздника относятся – comilona (пир, обильная еда), juerga (пьянка, пирушка), orgía (оргия), holgorio (шумное веселье, гулянка), bacanal (дикий разгул, оргия), borrachera (пьянка, попойка). И этот список далеко не исчерпан.

Праздник в Испании настолько **много-сложное понятие**, что он включает в себя и противоположные эмоции – трагедию, тоску, страдания, скуку, апатию. Дуализм праздника ярко проявляется в таких знаковых понятиях, как *фламенко*, *коррида*, пасхальная неделя – *semana santa*, другие религиозные праздники, которые несут в себе смерть и торжество жизни, скорбь и радость, счастье и отчаяние, «славу и трагедию», «*Todo Nada*» («всё–ничто» – строфы испанского поэта–мистика Св.Хуана де ла Крус).

Великий испанский философ Мигель де Унамуно (Miguel de Unamuno, 1891–1936) подчеркивал **трагическое восприятие жизни** испанцами, а о себе говорил: «Испания – моя боль» («*Me duele España*»). По словам этого философа, испанский (имеется в виду прежде всего кастильский пейзаж) «не пробуждает бурной радости жизни, не вселяет иллюзии лёгкой и сладкой безмятежности...» [21]. Другой великий испанец Ортега – и – Гассет ((José Ortega y Gasset, 1883–1955), анализировавший национальные символы и поступки, писал, что испанцы быстро переходят от порыва к разочарованию, печали, меланхолии [16, с.134, 186,211].

Важнейшим элементом испанского национального характера является присутствие, наряду с «праздничными» чертами жизни, *острого чувства смерти, мистерии бытия*. Это можно проследить на протяжении всей истории Испании, где чередуются периоды расцвета и упадка, а гениальный пример на все времена – образ Дон Кихота. В то же время острое осознание неизбежности смерти заставляет испанцев относиться к жизни как к концентрированному выражению праздника.

Нельзя не упомянуть в этой связи о другом знаковом явлении испанского духа, о «таинственной», «магической» силе, которую «все чувствуют и ни один философ не объясняет» – это мир *duende*. *Duende* – испанский рок, судьба, «край бездны», ощущение Бога. Скрытая сила и темперамент испанского характера, гордость, самопожертвование, самодостаточность, стой-

кость в страданиях, национальное пение, танец, великая живопись, поэзия – всё это есть *duende*. *Duende* выступает как оборотная сторона праздника.

Тем не менее внимание исследователей и туристов привлекает позитивная, праздничная сторона картины испанского мира – *el sentido festivo de la vida*, которая отражается в традициях, обычаях, бытовой и художественной культуре, в повседневном поведении, менталитете. «Важнейшей характеристикой жизни испанцев являются человеческие отношения; они быстро сходятся, легко и часто общаются; беседа – свободная, спонтанная, живая; можно сказать, **что испанцы обладают искусством и даже элегантно в умении проводить, или, лучше сказать, терять время**, а ведь это, в конце концов, и есть самое главное вложение капитала», – пишет современный испанский социолог Хулиан Мариас, исследователь испанского национального характера [13, с. 40].

Ещё русские путешественники XIX в. с восхищением отмечали, что Испания – страна праздника. «Праздники завораживали, брали в полон зрение, обаяние, даже вкус. Это был своего рода гипноз, не погружающий в сонное состояние, а пробуждающий творческий дух. Праздник ощущался как счастливая форма построения жизни...» – эта цитата в полной мере передаёт восприятие русскими духа испанской фиесты [17, с. 29]. В.П. Боткину, автору «Писем об Испании» (1845 г.), эта страна по сравнению с «европейской суетой» представлялась идиллическим местом: «В голове у меня нет ни мыслей, ни планов, ни желаний... мне кажется, я растение, которое из душной, темной комнаты вынесли на солнце: я тихо, медленно вдыхаю в себя воздух, часа по два сижу где-нибудь над ручьем и слушаю, как он журчит, или засматриваюсь, как струйка фонтана падает в чашу... Ну что, если б вся жизнь прошла в таком счастье!» [3, с. 280].

О состоянии восторга перед испанскими праздниками говорил композитор М.И. Глинка: «Мадрид – прелестный город здесь всё дышит весельем», «нет города веселее Севильи», «благословенная страна, давшая ни с чем несравнимое ощущение счастья и полноты жизни» [8, с. 312,368]. «Право на досуг здесь кажется столь же необходимым, как право на воздух», – читаем в репортажах писателя и журналиста И. Эренбурга из Испании, опалённой гражданской войной [24].

Многие авторы обращали внимание на праздность как неотъемлемую черту стиля жизни испанцев: «То, что праздность в Европе считается пороком, в Испании – нисколько» (В.П. Боткин). Художница Наталья Гончарова, прожив в 1916 г. полгода в Саламанке, удивлялась, что «естественное состояние (жителей Испании. – *Авт.*) – праздность. Не ровно столько, сколько нужно, чтобы прожить, а немножко меньше, чем нужно, чтобы не умереть. ...азарт

■ Лингвострановедение

ко всему, что не труд. Либо отдыхают, либо празднуют» [23].

К. Коровин, побывавший в Испании в 1888 г., прочувствовал эту страну через свой талант художника, через цвет. Не раз в своих воспоминаниях он спрашивает себя: «Почему, как у нас? Почему, как в России?» Девушки сказали хозяйке, что я – русский. Полная женщина в удивлении хлопнула себя по коленям и, раскрыв рот, смотрела на меня. Потом побежала внутрь магазина и, вернувшись, подала мне завернутый в бумагу кусок пирога с вареньем – в подарок. «Как у нас», – подумал я. Но почему, несмотря на другую природу, обстановку, весь иной лик, я чувствовал себя, будто я в Москве? В чём дело? И вдруг понял, в чём похожи испанцы на нас: в радушии и разгуле. Казалось, что и здесь какой-то **вечный праздник**, точно никто ничего не делает, как и у нас...» [15, с. 331, 333].

Сами испанцы всегда признавали, что акцент в их жизни делается не на труд, а на радость жизни. Если русскую картину мира характеризуют прежде всего константы, связанные с психическим складом русского человека, – «душа», «судьба», «тоска» (по определению А. Вержбицкой), то в ценностной системе испанского общества важнейшую роль играют «искусство жить», «межличностная коммуникация», «семейные ценности».

Что есть праздник в испанской модели мира? Почему говорят, что именно испанцы обладают этим искусством жить – *arte de vivir* и умеют наслаждаться жизнью – *desfrutar de la vida*? Понимание этого явления важно не только для познания национально-культурной специфики данного этнолингвистического сообщества, но и для обеспечения адекватной межкультурной коммуникации.

Испанский «праздник» следует рассматривать в совокупности географического, исторического, социально-экономического и психологического факторов, обусловивших развитие страны. Так, солнечный климат, безусловно, способствовал и способствует экстравертному поведению, социальному гедонизму, *сиеста* (от латинского *hora sexta* – *шестой час*) стала нарицательным словом, вошедшим во многие языки. Века романизации, арабского владычества создали особую культуру времяпрепровождения. Столетия реконквисты, конкиста и освоение Нового света приучили жить на «лёгкие» деньги, не утруждая себя упорной работой. Расцвет империи, а затем, по словам Ортеги – и – Гассета, «усталость от собственной власти, разочарование в своём первенстве и превосходстве», самоизоляция – «поворот спиной ко всему прочему и поглощённость только своим» породили характерный стиль жизни [16, с.184,185]. На фоне потери имперского могущества и ухудшения экономического положения народ стал «ориентироваться только на себя», возвращать свои традиционные формы мировидения. «Этот непрерывный, нечёткий,

повседневный труд породил все, какие только есть, жесты, позы и движения двух последующих веков... Народ создал для себя как бы вторую природу, предписанную эстетическим законом», – пишет Ортега – и – Гассет. Страна, прежде всего большие города и особенно Мадрид, в XVIII в. стали ареной сплошного нескончаемого праздника: «...праздником стало всё, или говоря иначе, всё превратилось в праздник» [16, с.186], а его главными проявлениями стали в те времена театр и бой быков.

Театр

Театр расцвёл в Испании в эпоху золотого века, а к 1750 г. – заслонил все другие проявления культуры. Количество трупп и их постановок позволяют предположить, что обычные испанцы смотрели в то время по 100–150 новых спектаклей в год [16, с. 605].

«Театр стал услугой, неотъемлемой частью быта, тройничным нервом национальной жизни», – рассуждает Ортега – и – Гассет. К комедиям в стиле барокко – «плаща и шпаги», «драмам чести», драмам о святых, историческим трагедиям присоединялись новые простонародные жанры – сайнете, хакара, тонадилли; сарсуэла также впитывала народный дух. Идя на представление, испанец хотел «опьяниться, нырнуть в поток немислимых приключений, невероятных интриг». Театр стал самой жизнью: «Все знали и обсуждали прелесть игры, мельчайшие подробности частной жизни актёров, знатнейшие люди страны обхаживали их, народ, что ни день, дрался, защищая первенство своего кумира». И наконец: «Всё воспринималось страстно, напряжённо, восторженно, едва ли не фанатично. Люди не просто ходили в театр... – они весь день только об этом и говорили. Больше того, они спорили, ссорились, а это значит, что зрелище проникало в самую душу. Так было на всех социальных уровнях» [16, с. 209,140,209,211].

Власти пытались ограничить деятельность театральных трупп или установить над ними контроль, поскольку церковь обвиняла актёров в ереси и пороках, но широкое недовольство не позволяло осуществить эти намерения.

Испанский театр той поры отвечал острой потребности в зрелище, он соединился со стихией народной культуры, был широкодоступен, охватил огромную часть населения, ведь из-за неграмотности большинства простому народу были недоступны шедевры поэзии и прозы лучших испанских авторов. **Театр отражал и одновременно формировал систему ценностей и модель поведения, видение мира.**

В повседневном поведении испанцев остаётся много театрального – активная жестикуляция, громкие голоса, преувеличенно-эмоциональное восприятие информации, широкое использование дополнительных лексических средств, подчёркивающих значение слова. Недостаточно сказать просто *кофе* – *café*: если речь идёт о хорошем кофе, это будет звучать как – *café-café*;

es toro-toro – говорят о быке, обладающем настоящими качествами для боя. А чтобы выразить отрицание чего-либо или незнание какого-либо предмета, мало сказать *no lo sé* – не знаю, необходимо придать отрицательный колорит этой фразе по нарастающей: *no sé nada* – ничего не знаю, *no sé nada de nada* – ну ничего вообще не знаю, *no tengo ni la más ligera idea, no te quepa la menor duda* – да вообще не имею никакого понятия об этом, даже не сомневайся. Как пишет испанский лингвист Амандо де Мигель, предпочтительней звучат последние два варианта. *No te vengas con tu drama* – не грузи меня (не приставай ко мне с твоей драмой), говорят испанцы, когда не хотят слушать о чужих проблемах. Вообще в социополитической лексике используется много идиоматических выражений, пришедших из театральной среды.

Из театра XVIII в. родился такой типично испанский (и латиноамериканский) лингвистический и социальный феномен как *piropo* – эротический комплимент, который стал частью бытовой культуры и только в последние годы потерял популярность в связи с активным феминистским движением и социальными изменениями в обществе.

В XIX–XX вв. театр уже не был властителем душ и дум народа, интересы сместились, но по-прежнему пылкости и темпераменту испанского характера требовался выход, таким полем стала коррида.

Коррида – это фиеста

Роману классика испанской литературы Висенте Бласко Ибаньеса (Vicente Blasco Ibañez, 1867–1928) «Кровь и песок» предпосланы слова – «слава и трагедия народного праздника». Коррида – это страсть – *afición*. Танец быка и тореро отражается в массовом сознании как противостояние дикой, непокорённой природы и человека. Само понятие *бык* отражает специфические черты менталитета испанского этноса и продолжает оставаться культурно-значимым в национальном мировидении. Для испанца бык – благородное животное, часть традиции, национального праздника.

В массовом сознании бык ассоциируется с контурами страны, с самой Испанией, где даже торговый знак фирмы «Осборн» (с изображением быка) стал национальным достоянием.

В упомянутом романе устами одного из героев писатель воскрешает историю корриды. Несмотря на то что в Испании убивали быков «для забавы» с незапамятных времён, такого боя быков, какой существует ныне, не существовало – не было ни профессиональных тореро, ни строгих и чётких правил. Эпоха процветания корриды началась с середины XVIII в., «когда Испания спряталась, точно улитка в своей раковине, отказавшись от колонизации и новых войн в далёких странах, а холодная жестокость церкви сдала свои позиции» [9, с.548,549]. Бой быков, по словам писателя, сменил аутодафе,

а те, кто в прошлом отправлялись воевать во Фландрию или колонизировать просторы Нового Света, становился тореро. Первые организованные «квотрильи», расписанный ритуал действия, подчинённый правилам искусства и нормам красоты, изобретения различных приёмов бандерильеро, всё то, что составляет искусство тавромахии, «ошеломило и покорило» испанцев. «За всю историю нашего народа мало что так пленяло его и радовало, как возникшее в середине века (1750 г.) празднество. Бедные и богатые, мужчины и женщины тратят немалую часть дня на то, чтобы к нему подготовиться, его увидеть, поговорить о нём и об его участниках. Поистине, это стало наваждением», – замечал Ортега [16, с.208]. Он пишет, что сам бой – только фасад, «только недолгое явление целого мира, скрытого за ним, а мир этот объемлет очень многое – от пастбищ, где готовят хороших быков, до кабаков и таверн, где собираются вместе тореро и пылкие зрители» [16, с. 208].

Арены – *plazas* – стали для народа той площадкой, где он чувствовал себя хозяином и законодателем. «Народ нашёл в новом национальном празднестве естественный выход для честолюбия, присущего сильным и смелым», – объясняет герой Бласко Ибаньеса, отвергая обвинения в варварстве и жестокости толпы, ссылаясь на то, что в «цивилизованных» странах существуют другие варварские забавы – бега, скачки, травля на охоте собаками, спортивные состязания, осуждает он заодно и зоопарки [9, с.550]. В противовес этим «европейским варварствам» в Испании «отважные и ловкие люди, придерживаясь неоспоримо мудрых правил, вступают в единоборство с опасным и смелым зверем при свете солнца, под голубым небом, на глазах шумной, разношёрстной толпы, соединяя с волнующей опасностью волшебство живописной красоты...», – восхищается испанский классик, хотя на деле в своём социальном романе он разоблачает эксплуатацию таланта тореро, предательство и равнодушные грубой толпы к поверженному победителю [9, с. 550].

Можно ли называть корриду праздником, задаются вопросом многие другие авторы. Однозначного ответа не находит никто.

Посмотрим, какими словами описывает праздник Сан-Фермин в Памплоне страстный поклонник боя быков и Испании Эрнест Хемингуэй: «Фиеста взорвалась», «фиеста кипела», «фиеста текла сплошным потоком», «она продолжалась день и ночь в течение 7 суток», «пляска следовали одна за другой, пьянство текло рекой, шум не прекращался» [22, с. 169,164]. Беспристрастным взглядом, просто констатируя происходящее, писатель смотрит на людей, участвующих в знаменитом беге быков, а читатели делают выводы сами:

«На всех балконах теснились зрители. Вдруг улицу залила толпа. Люди бежали все вместе, сбившись в кучу. Они пробежали мимо отеля и свернули к цирку, потом появились ещё люди,

■ Лингвострановедение

они бежали быстрее, а позади несколько человек, отставших, уже пробежали во весь дух. После них образовался небольшой просвет, и затем по улице, крутя рогами, галопом промчались быки. Минута — и всё исчезло за углом. Один из толпы упал, скатился в канаву и лежал неподвижно. Но быки пронесли мимо, не заметив его. Они бежали плотным стадом» [22, с.202].

Скупыми словами описана смерть «ради забавы»: «...крутя рогами, быки набежали на толпу, один бык вырвался вперёд, всадил рог в спину бегущему впереди человеку и поднял его на воздух. Когда рог вошёл в тело, руки человека повисли, голова запрокинулась, и бык поднял его, а затем бросил на землю. Бык погнался ещё за одним из бегущих, но тот скрылся в толпе, и толпа прорвалась в ворота, а за нею быки. Красные ворота цирка закрылись, с наружных балконов люди протискивались внутрь амфитеатра, раздался крик, потом — снова крик» [22, с.202].

Сквозь призму художественного произведения действительность и ее образы приобретают истинную моральную цену, поэтому не можем не привести ещё одну цитату из «Фиесты» Хемингуэя, где все признаки «празднества» выстраиваются по своим местам, и вывод очевиден:

«Человек, которого бык забодал, лежал ничком в истоптанной грязи. Люди перелезали через забор, и мне ничего не было видно, потому что толпа тесно окружила его. Из цирка доносились крики. Каждый крик означал, что бык кинулся на толпу. По силе крика можно было определить, насколько страшно то, что там происходит...

Вернувшись в город, я опять зашёл в кафе выпить кофе с гренками. Официанты подметали пол и вытирали столики. Один официант подошёл ко мне и принял заказ.

— Что-нибудь случилось во время *encierro*?

— Я всего не видел. Один из толпы серьёзно ранен.

— Куда?

— Вот так. — Я положил одну руку на поясницу, а другую на то место груди, где, по-моему, рог должен был выйти наружу. Официант кивнул головой и салфеткой смахнул крошки со столика.

— Тяжёлая рана, — сказал он. — И всё ради спорта. Ради забавы» [22, с. 203].

В настоящее время идёт активная полемика о том, насколько коррида отвечает сущности испанской культуры, ее так называемой *la espanyolez* – «испанской сути». Защитники боя быков ссылаются на многочисленные высказывания Ортеги-и-Гассета, смысл которых сводится к следующей максиме: «Нельзя понять историю Испании, а также ее литературу, поэзию, искусство, без тщательной реконструкции истории тавромахии» [5].

Кроме того, утверждается, что на корриде находит подтверждение философское значение жизни, а смерть на арене только усиливает это вечное противостояние природы. Социологи, занимающиеся феноменом привлекательности

корриды пишут о том, что «дерзкие движения и действия тореро отвечают эстетике «вызова», которая связана прежде всего с концептом мужественности», преклонением перед *macho*. В корриде проявляется, по мнению исследователей, вечная и природная склонность испанцев к жесту, «те же жесты мы наблюдаем при общении в кафе, на площадях» [5].

В последние годы в Испании набирает силу движение с призывом запретить корриду, в 2011 г. в Каталонии такое решение уже было принято, хотя и носило оно больше не экологический и гуманистический характер, а политический. Смогут ли испанцы отказаться от векового культа быка как символа природы, силы, жизни, покажет время, политическая ситуация и влияние глобализации на испанские традиции.

Народные и религиозные праздники

Праздник – старейшая форма бытия культуры, антитеза будням, обычной жизни; в сознании человека праздник ассоциируется, как отмечал Михаил Бахтин, с «временным вступлением в утопическое царство всеобщности, свободы, равенства и изобилия». Для испанца XVII–XIX вв. праздник был настоящей «работой». Церковь определяла дни, в которые запрещалось трудиться. Их было около 70 вместе с воскресеньями и главными религиозными праздниками (пасхи, тела Христова, Св. Иоанна Крестителя, Вознесения, Троицы, Апостола Иакова, Успения Всех Святых, Непорочного Зачатия, Рождества и т.д.). Кроме того, были ещё праздники меньшего значения, а некоторые торжественные даты отмечались на протяжении нескольких дней. В честь Богородицы и её чиннов в течение года устраивалось более десятка праздников. С необыкновенной пышностью праздновались дни многочисленных святых. Существовали также государственные светские праздники, которые по размаху не отличались от религиозных, они сопровождались процессиями и молебнами. Отмечались и местные праздники. У каждого города, селения и прихода был свой святой покровитель, и в честь него или святой покровительницы устраивались особо пышные торжества, которые длились не один день. Нельзя забывать и о семейных праздниках – рождение, крещение, первое причастие, свадьба, похороны. Всё это предполагало коллективное участие в церковной службе и совместную трапезу.

Можно сказать, что всё вышесказанное относится и к современной Испании с некоторыми издержками, которые вносят глобализм и другой ритм жизни и работы.

О календарных и народных региональных праздниках в Испании существуют многочисленные и подробные описания, нам важно подчеркнуть другое: специфическую испанскую окраску имеет то обстоятельство, что чисто церковное по происхождению и характеру торжество (Рождество, Пасха, праздник Св.Иоанна – Сан-Хуан, дни других многочисленных святых

покровителей той или иной местности и т.д.) насыщается всевозможными развлекательными, игровыми, декоративными элементами. На лицо – неповторимый и органический синтез празднично-светского и празднично-церковного начал. В церковных испанских праздниках присутствуют и языческие отголоски, и переключки с римскими патерналиями, и история арабского владычества, например: игровые и танцевальные «битвы мавров и «христиан» – *toros y nazarenos* с соответствующим образом наряжёнными участниками. Обряды и традиции проведения этих праздников чрезвычайно красочны, детализированы, насыщены драматургией.

Другой важный элемент этих праздников – повод для испанца подчеркнуть участие и принадлежность к социальной группе, территориальной общности. «Бесперебойное функционирование столь насыщенной и значимой сферы народной жизни, какой является в Испании отправление праздничной обрядности, было возможно только потому, что здесь повсеместно существовали постоянные устойчивые организации, которые и занимались подготовкой и проведением традиционных торжеств» [14, с.175]. В городах и селениях – это кофрадии (*cofradías*) – группы, объединяющие участников по проживанию в одном квартале, профессии, возрастной категории, которые фактически соревнуются между собой в выдумке и мастерстве подготовки костюмов, танцев, шествий, каждое из этих объединений имеет свои обязанности и права. На протяжении всего года исполнители серьёзно и с волнением готовятся к празднику, оттачивая распорядок празднования, репетируя роли, готовя костюмы, меню и т.п. Особую популярность приобрели в последние годы традиционные праздники святых покровителей той или иной местности, что отражает так называемую *orgullo local* – «местную гордость». В Испании всегда принадлежность к месту происхождения и проживания имела большую важность. В период перехода к демократии, её развития и утверждения, усиления роли автономных сообществ, этот элемент самосознания ещё более возрос и нуждается в постоянном реальном и символическом поддержании.

Испанцы сохраняют и возобновляют свои традиции с «нежностью и энтузиазмом», восхищаются иностранные исследователи [20, с.15]. Праздник Сан-Фермина в Памплоне, пышные процессии по время пасхальной недели в Севилье, праздничная неделя в честь Святого Иоанна в Сории, турниры по поднятию тяжёлых камней в Стране Басков – *levantamiento de piedras*, праздник огня в Валенсии, «похороны сардины» в Мадриде – этот список нескончаем. Подсчитано, что ежегодно на региональные религиозные и народные праздники тратятся 700 миллионов евро. При этом в традиционном народном празднике в Испании есть черты, сильно отличающие эту страну даже от ближайших соседей. В то время как во многих европейских

городах фольклорный праздник давно исчез, в Испании он, напротив, становится всё более значимым и масштабным. Важно подчеркнуть фактор **культуры участия** в этих праздниках, которая носит не искусственный, навязанный сверху характер, а является самой формой бытия и потребностью. Это – не явление праздной публике наёмных ряженных, а существование каждого человека внутри действия, проживания его вместе со всеми.

Общение и застолье

Испанцы – чрезвычайно коммуникабельны, и **общение с семьёй, друзьями** можно рассматривать как часть праздника.

Удивителен тот факт, что испанцы в целом славятся своим индивидуализмом. Каждый из них на всё имеет своё мнение, при этом они убеждены, что их мнение – самое верное. Одновременно испанцам, независимо от региона, чрезвычайно присуща любовь к компании, что даёт чувство принадлежности к социальной группе, солидарности, человеческого тепла, радости.

(Способность действовать солидарно, «в группе» даже трагедии превращает в события. Особенно это проявляется в политически напряжённые моменты. Массовые протесты сотен тысяч испанцев в ответ на угрозу государственного переворота (1981 г.), террористические акты со стороны ЭТА, исламистские вылазки последних лет тому свидетельствуют).

Сидеть за общим столом и часами говорить на разные, порой незначимые, темы доставляет удовольствие и наслаждение жизнью. При этом молчание не является отличительной чертой испанцев, а общение обычно носит очень шумный характер – «очумелый и сладкий галдёж», по словам поэта [11, с. 255], нередко переходит просто в крик.

Понятие «праздник» связано с застольем, гостеприимством у всех народов, и имеет самое прямое отношение к стилю жизни испанцев: им нравится приглашать, и они ценят, когда их хорошо принимают.

Степень гостеприимства, желание пригласить на совместную трапезу соседа, друга, просто чужого человека возрастает по мере снижения социального статуса индивидуума: чем скромнее уровень жизни, тем настойчивее будут предлагать разделить трапезу. Испанский культуролог и литератор Америко Кастро (*Américo Castro y Quesada*, 1885–1972) связывал это качество с арабским влиянием на испанскую культуру, а также с тем, что испанское общество остаётся иерархическим и в какой-то мере консервативным [7, с. 139,138], а разделить застолье издавна означает высказать уважение, дружбу, завязать особые доверительные отношения.

Эти особенности следует учитывать в межкультурной коммуникации, особенно в деловой культуре бизнесменов, которые стремятся наладить отношения с испанскими партнёрами.

■ Лингвострановедение

Испанцы убеждены, что «получать удовольствие от хорошей еды правильно, полезно и жизненно необходимо для здоровья... , делать это следует не реже, чем смотреть на часы. Все те, кто не умеет этого, кто считает, что пицца с пивом на бегу приближает нас к цели, – опасные и вредные люди, от них следует держаться подальше и никаких важных дел с ними не затевать». Если вы уж удостоились совместной трапезы, то «вам надо мило общаться, доставляя друг другу только положительные эмоции». «Запрещено переживать, нервничать, возмущать окружающее пространство». Разговор не должен вестись о делах, недопустимо серьёзное, напряжённое, нахмуренное выражение лица, стиль общения не должен быть сухим и чопорно – официальным. «Мы присутствовали на многих встречах и переговорах, и львиную долю времени там говорили о чем угодно, только не о бизнесе. Перед краткий час в офисе перетекал в нескончаемый ужин, за которым ворошились любые темы и общие знакомые, но лишь в конце, за какие-нибудь двадцать минут до финала, происходила долгожданная кульминация и начиналось обсуждение сделки, – пишет российский бизнесмен, – знайте, что на самом деле сделка уже произошла и совершается – она здесь не на бумаге. Подписание ваших договоров состоится скорее всего в ближайшее время и станет уже простой формальностью» [18, с.360].

Особый колорит прослеживается при рассмотрении «гастрономических концептов», соотносящихся как с собственно сферой питания, так и с сетью потребительских услуг. В испанском языке существует бесконечный ряд номинаций, служащих для обозначения разнообразных объектов, предусмотренных для питания: *café, cafetería, apuro, banquete, bar, bar americano; barra; barraca; bayuca; bodegón; brazadera; bufé; bufetes rápidos; canilla; cantina; casa de comidas; cepe; clavija; comedor; espita; establecimiento; freiduría; fritura; grapa; grifo; local; masilla; merendero; mesón; pegamento; pinza; posada; presilla; puesto de patatas fritas; restaurante; restaurante de autoservicio; restaurante de la estación; sala; salón comedor; salón de té; sotana; taberna; tasca; tenedor; trampa; venta.*

Интернациональными гастрономическими символами, не нуждающимися в переводе, стали *paella, jamón, tapas, tortilla, gaspacho, turrón, sangria, jerez*, а также испанские вина, оливковое масло, морские продукты и многие другие блюда.

Важную роль в праздничных ритуалах всегда играет потребление. А в условиях современного общества, государства «благополучия» – *estado de bien estar*, построенного в Испании с помощью Евросоюза, бизнес стал ключевым участником праздничного дискурса, что выражается в громадном количестве магазинов, супермаркетов, баров, ресторанов, подарках и специальной праздничной одежде. Праздник – это не только радость жизни, но и инструмент маркетинга. Шоппинг превратился для испанца в любимый «вид

спорта» и развлечение, от которого они испытывают самые положительные эмоции.

Культура кафе

Культура времяпрепровождения (*hacer tiempo*) в кафе занимает значительное место и время в жизни испанцев. Вот как пишет об образе жизни своего героя, представителя среднего класса, испанский классик Бенито Перес Гальдос (Benito Pérez Galdós, 1843–1920) в романе «Фортуна и Хасинта»: «Хуан Пабло Рубин не мыслил своей жизни без того, чтобы не провести полдня или даже весь день в кафе. Он чувствовал бы себя несчастным, если бы работа или какое-то другое занятие заставили его жить иначе... Он шёл в кофейню в полдень, посещал её после обеда, оставался там до 4–5 часов пополудни, возвращался после ужина, где-то в 8, и не уходил до утра. Один или с друзьями размышлял о серьёзных проблемах политики, религии, философии... Само место и его атмосфера были так необходимы для его жизни, что только там он чувствовал полноту своих интеллектуальных и духовных сил. Даже когда память ему изменяла в отношении каких-то событий или дат, он говорил себе – «не важно, вспомню в кафе»... Кофейня доставляла ему особые, глубинные чувства сродни с домашним очагом, все предметы улыбались как старые знакомые. Люди, которых он там встречал, – официанты, управляющий, постоянные клиенты, были связаны с ним семейными узами» [2, с. 437].

Далее подробно описывается неторопливый ритуал заказа чашечки кофе, стакана воды, непременно, «с достоинством» приветствий с официантами и барменами, посетителями – «ветеранами» и, наконец, сам обмен мнениями обо всём – о республике, о монархии, о прогрессе, о политических партиях. В «кофейном» общении сглаживались политические противоречия: «Именно в кафе так ярко блистало это испанское братство, когда республиканец протягивал руку карлисту, а упрямый прогрессист обнимал своего противника из умеренной партии» [2, с. 439].

Василий Боткин также оставил замечательные заметки о любви испанцев к общению в кофейнях: «...каждый верен своей кофейной партии и в каких бы дальних сторонах Мадрида они ни жили, каждый приходит непременно в свою кофейную есть мороженое, или сорбет, или просто выпить стакан воды». Боткин пишет о бесчисленном множестве кофеен, о необыкновенном, «как ни в одной стране», разнообразии *bebidas heladas* (холодных напитков), видов мороженого, кофе, шоколада и т.п. Кроме кофеен, сообщает Боткин, «каждая лавка, каждая цирюльня имеет своих посетителей, которые сходятся тут беседовать; иногда эти сходки так велики, что покупателям нет возможности пробраться в лавку. Вследствие этого к некоторым лавкам привешена бумага с надписью: *aquí no se tienen tertulias* (здесь не держат собраний)». Иностранцу легко

ознакомиться с положением общественных дел в стране при таком всеобщем расположении к беседе, утверждает автор. «Садитесь в кофейной к любому столу, к любой группе разговаривающих..., смело вмешивайтесь в разговор, ваше присутствие никогда не помешает беседе». И Боткин, и другие путешественники отмечали, что кафе полны людей из разных социальных слоёв, в мадридских кафе много женщин «особенно вечером – решительно все столы заняты одними женщинами» [19, с.163].

Все эти черты «кофейной культуры» сохраняются и в наши дни, может быть, темы для обсуждения стали другими, прибавились ещё совместные просмотры популярных футбольных матчей. Всегда заполнены посетителями столики и барные стойки даже в маленьких городах, причём сотни и сотни людей предпочитают стоять с бокалом вина или кружкой пива и общаться на улице у входа в кафе или бар. Остаётся в традиции привязанность к какому-то одному любимому месту, обычно это бар рядом с домом или кафе на центральной площади. Нередко также перемещение из одного бара в другой – *rara tarrear* (*перекусить*), при этом одни места более популярны, чем другие, – *tiene marcha*, говорят испанцы, т.е. «это место в ходу». «В баре обсуждается и решается всё, здесь делятся радостью, горестями, не скрывают проблемы», – говорит герой популярного телесериала. Заметим, что в годы Франко избегали говорить на политические темы, на всякий случай в барах висели объявления, иногда забавного содержания – «запрещено ругаться, говорить о политике и американцах» [4].

В пятницу вечером, в субботу и в воскресенье улицы и площади переполнены прогуливающимися семьями, представителями всех возрастов, профессий и социальных групп, те же, кто не может передвигаться, сидят на креслах и качалках на балконах и у дверей своих домов. Это так называемое *paseo*, старинная испанская традиция. Она даёт возможность «на людей посмотреть и себя показать» – *mirar y dejarse ver*.

Особенности испанского характера – **коммуникативность, стремление «быть в группе»** и участвовать в совместных делах, семейная привязанность к какому-либо одному месту, желание отдохнуть от повседневных забот и погрузиться в праздничное состояние – продолжают поддерживать дух этой особой культуры времяпрепровождения. «В этой стране можно прожить без чтения, без радио, без врачей, без театра и кино, но нельзя прожить без того, чтобы не выпить рюмочку в баре и потрепаться с друзьями», – комментирует один из героев популярной испанской телевизионной саги [4].

Тертулии

Испанский писатель Фернандо Диас Плаха, автор знаменитой книги о «семи смертных грехах испанцев», цитирует слова Мигеля де Унамуно, что сама испанская культура родилась в

результате бесконечных разговоров в «кофейнях, а не в университетах» [7, с. 319].

Был период в испанской истории, когда тертулии, своего рода интеллектуальные собрания, становились колыбелью рождения новых философских, научных, художественных, творческих идей.

Толковые словари и словари иностранных слов называют тертулией определённый вид вечерних собраний, которые могут носить литературный, музыкальный или вокальный характер (есть тертулии, где обсуждается и тавромахия). Участники тертулий обычно собираются в кафе в определённые дни и часы и за чашкой кофе и бокалом вина в приятной компании обсуждают волнующие их вопросы. Такое толкование верно, но оно не раскрывает всей важности этого понятия для испанской культуры. Знаменитые философы, поэты, писатели Испании поколения 1998 г. и поколения 1927 г. не мыслили своей творческой жизни без подобных «праздничных» встреч, сопровождавшихся спорами, обменами мнениями, чтением стихов, обсуждениями политических новостей. Собрания эти не носили агрессивный характер, на тертулиях ценились красноречие, критический ум, острый язык, но одновременно терпимость к чужому мнению. Обычно тертулии вращались вокруг одного центрального известного персонажа, который регулярно посещал конкретное кафе. Тертулии служили также в качестве образовательного центра для молодых участников, которые в неформальной обстановке могли познакомиться со своими кумирами.

Своими корнями тертулии уходят в золотой век испанской литературы – XVII в., когда по аналогии с известными литературными салонами во Франции возникли *academias literarias* – литературные академии, своего рода собрания «просвещённых». В Мадриде с 1612 г. стали известными *Academia Selvaje* и *Academia Mantuana*, где Лопе де Вега прочёл свою знаменитую лекцию «Новое искусство творить комедию» – *Arte nuevo de hacer comedias*.

Время, когда тертулии были особенно популярны, – это первая треть XX в. Названия кафе, где собирались интеллектуалы и театралы, становились нарицательными. Так, *Nuevo Café de Levante* в Мадриде по словам драматурга, поэта и романиста Рамона Валье-Инклана (1866–1936) оказало воздействие на современную литературу и искусство большее, чем два–три университета или академии, вместе взятые. В Мадриде проходили лучшие тертулии, и их главными действующими лицами – Пабло Пикассо, Федерико Гарсия Лорка, Ортега-и-Гассет. (Заметим в скобках, что существует такое суждение: культура кофе отражает динамизм, революцию, изменения, а культура чая – стабильность, медлительность.)

Тертулии как клубный «интеллектуальный салон», «интеллектуальная тусовка» практически перестали иметь место с середины прошлого века, это объясняется как известными историко-

■ Лингвострановедение

политическими причинами, так и психологическими. В наши дни отдельные испанские интеллектуалы собираются на литературные встречи, которые они называют тертулиями, но это явление уже не играет той особой «развивающей» роли, как в прошлом. Тертулии заменились в лучшем случае на *veladas* – вечеринки. На деле испанцы выбирают совместные походы по барам и ресторанам. Влияние глобальной культуры и эпоха консумизма не располагают к интеллектуальным поискам.

Теперь тертулиями называют также современные ток-шоу на злободневные темы по телевидению. Обычные курортные посиделки тоже могут назвать тертулией, а их участников заядлыми тертулианами.

Тертулии, даже в том виде, как они выступают в наше время, представляются как часть праздника, поскольку отвечают признакам этого концепта: это – способ духовного единения, коллективного самовыражения, обретения свободы в мыслях, ухода от действительности, рутины.

Мовида

Раскрепощение от десятилетий различных социальных табу, политических и идеологических ограничений, закрытости страны нашло своё выражение в особом социально-культурном явлении, спонтанно родившемся в конце 1970 – начале 1980-х гг. и получившем название *мовида*. *Мовида* (*movida*) переводится как движение, перемена, в просторечии – «тусовка», «драйв». Мовида мадриленья – мадридская мовида, возникла в условиях перехода страны к демократии, когда испанцы, прежде всего молодёжь, свободная от условностей и предрассудков, с головой погрузились в эйфорию. «Испанцы захотели жить здесь и сейчас», «вся нация, за исключением немногих ностальгирующих по временам Франко, бурлила оптимизмом, родилось страстное гедонистическое желание жить и наслаждаться», – пишет английский журналист и писатель Жиль Трэмлетт [20, с.10]. Но символом испанской культуры и испанского «праздника» 1980-х гг. *мовида* стала не столько благодаря непрекращающимся гуляниям по барам, наиболее ярко она проявила себя в поп-музыке, кинематографе, фотографии, графике, комиксах, в литературном творчестве. Рупором движения стал журнал «Ла Луна», а зал «Рок-Ола», открытый в 1981 г., превратился в своеобразный «храм» мовиды, где собирались популярные музыкальные группы. Зародившись в Мадриде, *мовида* постепенно охватила города по всей Испании. «Тем, кто не жил в те годы, невозможно объяснить, что такое *мовида*. Мы были не какое-то особое поколение, мы были творческое движение; мы не были группой с какой-то конкретной идеологией. Мы были просто кучка людей, которые совпали по своим настроениям в один из наиболее взрывных моментов в истории страны» [1], – говорит Педро Альмодовар, всемирно признан-

ный испанский режиссёр, один из лидеров этого движения.

Мовида тех лет означала не только отрицание тоталитарного прошлого, но и появление новых форм жизненного стиля, вызывающих форм поведения, злоупотребления алкоголем, наркотиками, сексуальными эксцессами. Это были годы панков, рокеров, кричащего макияжа, разноцветных причёсок, вызывающей одежды. Испанская молодёжь, бросая вызов традиционному обществу, прежним ценностям морали, повторяла путь, пройденный поп-культурой и культурой *underground* в США и Западной Европе ещё в 1960–1970-х гг.

Власти не препятствовали этому явлению, наоборот, мэр Мадрида социалист Энрике Тьерно Гальван был убеждён, что *мовида* служит «лечебным средством» для общества после стольких лет диктатуры; он неоднократно принимал участие в рок-собраниях, а его лозунг «al colocarse y al loro» – «построились и будьте на острие!» стал нарицательным (в языковом плане интересно проанализировать эти слова – глагол *colocarse* имеет и другой подтекст: для участников *мовиды* он означал «наширяться», «наколоться»).

Политическая поддержка левых политиков служила созданию новых символов страны, а за рубежом (благодаря СМИ) *мовида* с её провокационной эстетикой стала восприниматься как образ новой, демократической Испании.

Мадридская мовида осталась в истории страны уникальным явлением. По прошествии лет она стала восприниматься как что-то гораздо большее, чем была на самом деле, стала символом новых ценностей. Уже в конце 1980-х гг. движение сошло на нет, признаки альтернативной культуры превратились в массовые и уже не несли свежих творческих идей.

Сегодня многое изменилось: закрылись или потеряли былую славу наиболее известные ночные клубы тех лет, но дух *мовиды*, этот поток свободы и эйфории, не исчез, а стал частью жизни города, одной из традиций современного Мадрида. Многие туристы приезжают в столицу Испании, чтобы разделить этот праздник общины, ночной жизни, для них *мовида* – это поток нескончаемых развлечений. В то же время испанцы говорят о возникновении новой *мовиды*, но в настоящее время она возрождается в других формах, в условиях кризиса, новой экономической и социальной ситуации.

Los indignados, «возмущённые»

За годы, прошедшие после смерти Франко, сменились не только материальные ценности, но и общественные взгляды, детали духовной, материальной и бытовой культуры, особенности человеческих отношений. Изменились положение женщины, отношение к религии, внутрисемейные связи, отношения «отцов и детей», жилищные условия и социальные возможности на рынке труда, система образования и здравоохранения, сгладились социальные барьеры.

«Развлекаться, радоваться жизни, жить настоящим днём» – вот лозунги, отражавшие настроение общества в годы благополучия. «*España va bien*», «в Испании всё хорошо» – рефрен 1990 и начала 2000-х гг. Доказательством успеха молодой демократии с быстро развивающейся экономикой стали и амбиции страны, проявившиеся в новой роли Испании на мировой арене, в продвижении её положительного образа за рубежом с помощью политики «мягкой силы». Испания перестала быть «провинциальной», влилась в «большой мир». Эти успех и праздник жизни были продемонстрированы на показательных для всего мира мероприятиях – Олимпиаде 1992 г. в Барселоне, Всемирной выставке 1992 г. в Севилье. Испания стала мировой державой туризма, а «государство благосостояния» приучило население к безудержному потреблению. Привыкшие к успеху, испанцы оказались психологически безоружными перед кризисом, в который страна погрузилась начиная с 2008 г.

Тяжёлые финансово-экономические условия, прежде всего безработица, затронувшая треть населения страны, оказали прямое воздействие на психологическое состояние общества, на стиль и образ жизни. Подверглись изменениям все вышеперечисленные поля праздника – шопинг, досуг, общение, застолье и т.д. Особенности национального менталитета – желание жить сегодняшним днём, относительно малая трудоспособность, необязательность, неторопливость, лень, бюрократизм в принятии решений, нежелание инноваций, консерватизм, «чёрный бизнес» – только усугубили ситуацию.

Современная испанская молодёжь начала пересматривать сложившиеся ценности глобальной культуры. Обеспокоенные отсутствием перспектив и растущей безработицей, молодые люди стали инициаторами национального протеста «возмущённых» – *los indignados*, в котором приняли участие многие слои населения разных возрастов.

Движение *indignados* возникло 15 мая 2011 г. и сопровождалось занятием площадей и улиц, многотысячными манифестациями и митингами. Протесты организовывались через социальные сети (где они получили имя «испанская революция»), и нередко приобретали форму живого, экспрессивного, карнавального, зрелищного праздника. Можно даже сказать, что протесты, в которых участвовали целые семьи, – это было своего рода возрождение *мовиды*, но уже другого рода, с социально-экономическим подтекстом.

Протест «возмущённых» стал как бы оборотной стороной праздника, ведь любой праздник выступает, кроме всего прочего, как своеобразное зеркало социальных противоречий, в нём находят своё отражение ущемление демократических форм жизни общества, крушение идеалов, разрыв между официальной идеологией и объективными реалиями действительности. Одновременно с протестными настроениями

укореняются пассивные формы реакции на действительность.

Ботельон

Начиная с конца XX в., и особенно в условиях финансово-экономического кризиса последних лет, получило развитие новое социальное явление *ботельон* – *botellón*. Эти массовые собрания молодёжи от 13 до 24 лет на улицах, площадях, в парках сопровождаются потреблением крепкого алкоголя и пива, купленных заранее в супермаркете, но главное в этих компаниях – общение, слушание музыки, знакомства. Молодёжь начинает собираться днём, всегда на свежем воздухе, и общение продолжается до раннего утра, чему в немалой степени способствует благоприятный климат. В некоторых городах в конце недели на центральных площадях концентрируются до нескольких тысяч молодых людей, а места этих встреч стали именоваться *ботельодромы* – *botellódromos*. Договариваются о встречах через социальные сети. Нередко для встреч используются официальные и региональные праздники. Так во время «весенних праздников» – *fiestas de primavera* – в Севилье все центральные улицы переполнены веселыми молодыми людьми.

Иногда эти собрания кончаются стычками, актами вандализма, но это – редкое явление, чаще спровоцированное самой полицией. Конечно, многочисленные молодёжные «тусовки» доставляют массу тревог жителям и туристам. Жалуются и родители, обеспокоенные ранней алкоголизацией своих детей. Все попытки муниципальных и центральных властей упорядочить это явление, принять какие-то законы и ограничения не приводят к успеху.

В этой новой молодёжной *мовиде* отражаются: потеря ценностных ориентаций, усугублённых кризисом, сложное экономическое положение в их семьях, а отсюда и отсутствие возможностей проводить время в кафе или ресторане из-за дороговизны. Сюда же относятся стремление не чувствовать себя выключёнными из сложившейся картины современного мира, где молодёжь потеряла свои активные позиции и разочарована в будущем, а также неистребимое желание развлекаться. Появилась развёрнутая культура развлечения, характерная именно для молодёжной среды, и в состав этого поля входят такие понятийные классы, как выпивка, наркотики, секс.

Можно ли назвать эти собрания вариантом праздника? В любом случае в подобных встречах присутствуют социокультурная интеграция определённой общности людей, одно социокультурное поле, уход от повседневности, рутинизации. Для молодых, людей участников *ботельона*, праздновать – значит свободно и добровольно общаться, коллективно переживать, испытывать разрядку от неприятной напряжённости. Особое значение в этом виде общения приобретает эстетическая составляющая: чувственно-эмоциональная насыщенность содержания, радость, что отражается в экспрессивной

■ Лингвострановедение

лексике молодёжного сленга, новых языковых лексемах.

Футбол стал национальным праздником

Для испанца в процессе зрелища и в любом другом времяпрепровождении важно «видеть и комментировать» одновременно. О нетерпении, и даже о «ярости» долго «сидящего испанца» писал ещё Лопе де Вега в упомянутом трактате «Новое искусство творить комедии» – *Arte nuevo de hacer comedias*, предлагая делать частые интервалы между театральными действиями [7, с.95].

В этом плане футбол полностью отвечает испанскому национальному характеру, причём он вытесняет корриду (как ранее коррида заменила в массовом сознании театр), а в отчётах о футбольных матчах оперируют терминами тавромахии («добить зверя, бестию»). Футбол стал национальной гордостью испанцев. Социологические опросы свидетельствуют, что победы сборной «Furia Roja» («Красная фурия») на чемпионатах мира и Европы способствуют чувству единения страны. Испанская сборная команда, в которой играют и баски, и каталонцы, и галисийцы, и андалусийцы, действует сплочённо, как единый отлаженный механизм, от действий одного зависит игра многих, их поведенческую модель сравнивают с «пчелиным роем».

Футбол – массовое зрелище, которое, так же как и коррида, вызывает в испанском зрителе *afición*, страсть, в нём возможны непредсказуемые победа и поражение. Болельщиков в Испании, как и поклонников корриды, называют *aficionados*, и им, так же как и на арене боя быков, нужна победа. Кроме того, на футбольном матче испанский болельщик чувствует себя частью группы, толпы. Недаром, матчи предпочитают смотреть не дома по телевизору, а в большой компании в барах, в фан-зонах, если проблематично присутствовать на самом матче. Наконец, итоги игры служат предметом общения,

нескончаемого обсуждения, в котором у каждого есть своя точка зрения. Футбол приносит массу эмоций, счастье. «Я играю не ради того, чтобы завоевывать «золотые мячи», я играю, чтобы чувствовать счастье», – сказал один испанский футболист.

Изучая концепт *праздник*, мы открываем новые пласты языкового и культурного пространства Испании, обогащаем свои знания о мировоззрении данного лингвокультурного сообщества. Эти знания позволяют лучше понять словообразовательный потенциал испанского языка, его изобретательный стиль, ёмкость и фантазийность [10, с. 202,203]. Ведь испанский *праздник* наполнен ассоциациями, метафорами, стилистической образностью, языковыми и эстралингвистическими форматами, которые нужно рассматривать в различных измерениях – речевом, невербальном, визуальном, текстуальном.

Перефразируя слова испанского философа, можно сказать, что праздник в Испании – это интерпретация жизни, её комментарий, при котором бытие приобретает свою «ясность и строй». Этот строй в зависимости от исторических событий нарушается, но внутренние силы народа восстанавливают его вновь и вновь. Испания, как говорил Федерико Гарсия Лорка, – это страна, где «веками поют и пляшут», «в других странах смерть – это всё. Она приходит, и занавес падает. В Испании иначе. В Испании он поднимается» [6]. В условиях современного глобалистского мира с его универсализацией ценностей испанцы демонстрируют свою идентичность и сохраняют традиции, и праздник в совокупности множества сущностей, признаков и явлений продолжает оставаться главной составляющей национальной картины мира этой неповторимой страны.

Список литературы

1. Almodóvar, Pedro. *Patty Diphusa y otros textos*. Barcelona. Anagrama, 1991. 172 p.
2. Benito Pérez Galdós. *Fortunata y Jacinta*. Ediciones Orbis, S.A. 1982. 400 p.
3. Боткин В.П. Письма об Испании. Л.: издательство «Наука», 1976. 344 с.
4. *Cuéntame cómo pasó*. Drama-Historia. Creado por Miguel Angel Bernardeau. España. Grupo Ganga. Guión Alberto Macías, Eduardo Ladrón de Guevara. 2001-2010.
5. Rafael Sánchez Ferlosio. *Patrimonio de la Humanidad*. El País. 5 de agosto de 2012. Available at: http://elpais.com/elpais/2012/08/03/opinion/1344016812_971199.html
6. Federico García Lorca. *Teoría y juego del duende [Lorca Theory and Play of the Duende]*. Madrid, 1933.
7. Fernando Díaz-Plaja. *El español y los siete pecados capitales*. Madrid, 2004. 328 p.
8. Глинка М.И. Литературное наследие. Т.2. Письма и документы. Л.: Гос.муз.изд-во, 1953. 889 с.
9. Ибаньес Висенте Бласко. *Кровь и песок/ Пер. с испанского*. М.: Художественная литература, 1970. 339 с.
10. Иовенко В.А. Национально-культурное мировидение в переводческом измерении: монография. М.: МГИМО-Университет, 2013. 224 с.
11. Испанские мотивы в русской поэзии XX века. М.: Центр книги Рудомино, 2011. С. 255.
12. История Испании. Том 1. С древнейших времён до конца XVII в. М.: Индрик, 2012. 696 с.
13. Julián Marías. *Ser español. Ideas y creencias en el mundo hispánico*. Editorial Planeta, S.A., Barcelona, 2008. 322 p.
14. Кожановский А.Н. Быть испанцем... Традиция. Самосознание. Историческая память. М.: АСТ: Восток–Запад, 2006. 318 с.

15. Константин Коровин вспоминает. М.:Изобразительное искусство, 1990. 608 с.
16. Ортега -и- Гассет Хосе. Этюды об Испании. Киев, 1994. 320 с.
17. Очерки истории латиноамериканского искусства. М.,1997. Ч.1. 240 с.
18. Путеводитель по Испании. Испания по-русски. Barcelona, 2010.
19. Русские в Испании. Книга первая. Век XVII– век XIX. М.: Центр книги Рудомино, 2012. 736 с.
20. Tremlett Giles. España ante sus fantasmas. Madrid. Siglo XXI de España Editores, S.A. 2006. 432 p.
21. Unamuno M. de. Cartas inéditas. Santiago de Chile, 1965. Diario íntimo. Madrid, 1974.
22. Хэмингуэй Эрнест. Фиеста (И восходит солнце) / Пер. с английского. М.: АСТ:Астрель, 2010. 640 с.
23. Цветаева М.И. Наталья Гончарова. (Жизнь и творчество). Эссе. Медон, 1929. Режим доступа: tsvetaeva.narod.ru
24. Эренбург И. Г. Испанские репортажи 1931–1939. Издательство: М.: АПН, 1986. 398 с.

Об авторе

Астахова Елена Васильевна – доцент ВАК, к.и.н., доцент кафедры испанского языка МГИМО(У)МИД России
 Научная специализация – лингвокультурология, лингвострановедение.
 E-mail: espanol@mgimo.ru

THE CONCEPT OF FIESTA IN SPANISH NATIONAL AND CULTURAL VISION OF THE WORLD

E.V. Astakhova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The author examines the image of Spain through the megaconcept of fiesta, which determines many aspects of the national and cultural mentality. This concept reflects various vectors of quotidian life, religious and popular holidays with their complicated details and special dramaturgy, penetrates to every day communication and behavior. The research determines such Spanish extralinguistic realities as corrido, tertulia, movida, botellon, indignados, analyses the role of the theater, of “coffee culture”, of football and other phenomena in social life and cognitive space of Spaniards. The knowledge of different aspects of fiesta helps to understand the word potential of Spanish language, its metaphors, and stylistic images. The fiesta as a key word of Spanish linguistic culture, it is full of feelings, which considered being merged in verbal, textual, visual and no verbal dimensions for the exit of intercultural communication.*

Key words: Spain, fiesta, megaconcept, culture, language, character, vision of the world, communication, metafore, image, picture of the world.

References

1. Almodóvar, Pedro. Patty Diphusa y otros textos [Patty Diphusa and other texts]. Barcelona. Anagrama, 1991. 172 p. (In Spanish)
2. Benito Pérez Galdós. Fortunata y Jacinta [Fortunata and Jacinta]. Orbis Publ., S.A. 1982. 400 p. (In Spanish)
3. Botkin V.P. Pisma ob Ispanii [Letters about Spain]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 344 c. (In Russian)
4. Cuéntame cómo pasó. Drama-Historia. Creado por Miguel Angel Bernardeau. España. Grupo Ganga. Guión Alberto Macías, Eduardo Ladrón de Guevara. 2001-2010. (In Spanish)
5. Rafael Sánchez Ferlosio. Patrimonio de la Humanidad. El País. 5 de agosto de 2012. Available at: http://elpais.com/elpais/2012/08/03/opinion/1344016812_971199.html (In Spanish)
6. Federico Garcia Lorca. Teoría y juego del duende [Theory and Play of the Duende]. Madrid, 1933. (In Spanish)
7. Fernando Díaz-Plaja. El español y los siete pecados capitales [The Spanish and the seven deadly sins]. Madrid, 2004. 328 p. (In Spanish)
8. Glinka M.I. Literaturnoie nasledie. T.2. Pisma i dokumenty [Literary heritage . Vol.2 . Letters and documents]. Leningrad, Gos.Muz. Publ.. 1953. 889 p. (In Russian)
9. Ibanes Visente Blasko . Krov i pesok [Blood and sand]. Hudozhestvennaja literatura Publ. Moscow, 1970. 339 p. (In Russian)

■ Лингвострановедение

10. Iovenko V.O. Nacionalno-kulturnoe mirovidenie v perevodcheskom izmerenii: monografija [National-cultural vision of the world in the translation dimension: monograph]. MGIMO-Universitet Publ., Moscow, 2013. 224 p. (In Russian)
11. Ispanskie motivy v russkoj poezii XX veka [Spanish motifs in Russian poetry of the twentieth century]. Centr knigi Rudómino Publ., 2011. P.255. (In Russian)
12. Istorija Ispanii. Tom 1. S drevnejshih vremen do konca XVII v [History of Spain . Vol. 1 . From ancient times to the end of the XVII century]. Indrik Publ., Moscow, 2012. 696 p. (In Russian)
13. Julián Marías. Ser español. Ideas y creencias en el mundo hispánico [Being Spanish . Ideas and beliefs in the Hispanic world]. Editorial Planeta Publ., S.A., Barcelona, 2008. 322 p. (In Spanish)
14. Kozhanovskij A.N. Byt ispancem... Tradicija. Samosoznanie. Istoricheskaja pamjat [Being a Spaniard ... Tradition . Consciousness. Historical memory]. AST: Vostok-Zapad. Moscú, 2006. 318 p. (In Russian)
15. Konstantín Korovin vspominaet [Konstantin Korovin recalls]. Moscow, Izobrazitelnoie iskusstvo Publ., 1990. 608 p. (In Russian)
16. Ortega i Gasset Jose. Jetjudy ob Ispanii [Sketches of Spain]. Kiev, 1994. 320 p. (In Russian)
17. Oчерki istorii latinoamerikanskogo iskusstva [Essays on the history of Latin American art]. Moscú, 1997. Ch.1. 240 p. (In Russian)
18. Putevoditel po Ispanii. Ispanija po-russki [Guide to Spain. Spain in Russian]. Barcelona Publ., 2010. (In Russian)
19. Russkie v Ispanii. Kniga pervaja. Vek XVII- vek XIX [Russian in Spain. The first book. Century XVII- century XIX]. Centr knigi Rudomino. Moscow, 2012. 736 p. (In Russian)
20. Tremlett Giles. España ante sus fantasmas [Spain with its ghosts]. Madrid. Siglo XXI de España Editores, S.A. 2006. 432 p. (In Spanish)
21. Unamuno M. de. Cartas inéditas. Santiago de Chile, 1965. Diario íntimo [Unpublished letters. Santiago de Chile, 1965. Diary]. Madrid, 1974. (In Spanish)
22. Hemingway Ernest. Fiesta (I voshodit solnce) [Fiesta (The Sun Also Rises)]. AST: Astrel Publ.. Moscow, 2010. 640 p. (In Russian)
23. Tsvetáeva Marina. Natalja Goncharova. (Zhizn i tvorchestvo). Medon, 1929 [Natalia Goncharova . (Life and Work). Essay. Meudon, 1929.]. Available at: tsvetaeva.narod.ru (In Russian)
24. Ehrenburg Il'ya. Ispanskie reportazhi 1931–1939 [Spanish reports 1931-1939]. APN Publ., Moscow, 1986. 398 p. (In Russian)

About the author

Astakhova Elena Vasilievna – Ph. D of History, associate Professor of Spanish language Department of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO). E-mail: espanol@mgimo.ru